

**О КОЖИНЫХ Г. А. и К. М. — в ПОМПОЛИТ,
ПЕШКОВОЙ Е. П. и ВИНАВЕРУ М. Л.**

КОЖИН Георгий Александрович, родился в 1899 (мать Кожина Маргарита). В 1918 — окончил гимназию, работал преподавателем и воспитателем в детской трудовой колонии в Стрельне Ленинградской области, позднее стал ее заведующим, параллельно преподавал географию в средней школе. В 1923 — женился на бывшей княжне Ксении Михайловне, урожд. Долгоруковой. В середине 1920-х — преподавал географию в английской школе. 8 июля 1928 — арестован с женой и ее матерью, как «участник контрреволюционной организации», обвинялся также и в шпионаже.

КОЖИНА (урожд. Долгорукова) Ксения Михайловна, родилась в 1897. Княжна (отец, князь Долгоруков Михаил, действительный статский советник; мать Долгорукова Софья Александровна). Окончила фонетическую школу при университете в Санкт-Петербурге. В 1923 — вышла замуж за Георгия Александровича Кожина. Работала педагогом-ассистентом на кафедре английского языка в университете. 8 июля 1928 — арестована с матерью и мужем как «участница контрреволюционной организации», обвинялась также и в шпионаже.

ДОЛГОРУКОВА Софья Александровна, родилась в 1870-х. Получила среднее образование. Вышла замуж за князя Михаила Долгорукова, действительного статского советника, в семье — две дочери, позднее — вдова (муж скончался до Первой мировой войны). В 1920-х — жила с дочерью Ксенией в Ленинграде. 8 июля 1928 — арестована с дочерью и зятем как «участница контрреволюционной организации» и заключена в тюрьму, обвинялась также и в шпионаже.

В октябре 1928 — в Помполит обратилась за помощью Маргарита Кожина, мать Георгия Александровича Кожина.

<10 октября 1928>

«В Комитет помощи политическим заключенным

Заявление

Мой сын, Георгий Александрович Кожин 8 июля с<его> г<ода> арестован в Ленинграде органами местного ГПУ и три месяца содержится под стражей в Д<ом> П<редварительного> З<аключения>. В настоящее время дело о нем направлено из Ленинграда в Москву в Коллегию ОГПУ, очевидно, для применения к сыну какой-либо административной меры взыскания. Я хорошо знаю, что сын мой настоящий честный советский гражданин, исключительно преданный своему делу, педагогической деятельности. Ему в настоящее время всего 29 лет. До революции он учился в гимназии, которую окончил в 1918 г<ода> и тотчас прямо со школьной скамьи принужден был искать себе заработок, не имея никаких других источников дохода, одновременно пополняя свое образование. Он поступил преподавателем и воспитателем в Стрельнинскую детскую колонию, затем был заведующим в этой колонии, дальше до настоящего времени он преподавал географию в 14 Советской школе, где пользовался всеобщим полным доверием, уважением и любовью, что подтверждается тем отзывом и ходатайством об его освобождении, которое было послано прокурору названной школой после ареста сына. Будучи в школе, он был представителем от школы в Союзе работников просвещения и членом месткома школы. Я хорошо знаю, что кроме своей педагогической деятельности сын мой ничем не интересовался, никакого общения с

заграницей не имел и никаких знакомств с элементами, чуждыми Советскому строю не водил. В эту же ночь были арестованы его жена Ксения Михайловна, урожденная Долгорукова, 30 лет, и теща София Александровна Долгорукова. Женитьба его на бывшей княжне Долгоруковой произошла всего 5 лет тому назад после случайной встречи, до тех пор ни сын мой, ни я никого из них не знали и никакого отношения к ним не имели. Теща сына имеет вторую дочь, состоящую в замужестве за чистокровным французом и живущую во Франции. Дочь эта посылает родным 20, 30 долларов в месяц, т<ак> к<ак> сама человек очень не богатый. Случалось, что эти деньги получал в банке мой сын, но прямого отношения он к ним никогда не имел. Часть этих долларов жена моего сына откладывала на черный день ввиду своего слабого здоровья.

Сын мой никогда никаких симпатий к старому строю не имел и ничего его с этим строем не связывает. Жена сына, женщина совершенно больная, стояла в стороне от политической жизни, а теща его преклонного возраста, уже в силу одного этого не могла участвовать в каких-либо направленных против Советской власти действиях.

При таких условиях я считаю арест, продолжительное содержание сына под стражей и предъявленное обвинение его по ст<атье> 58 п<ункты> 6 и 11 несомненным недоразумением, которое легко может обнаружено при внимательном и беспристрастном расследовании дела.

Я прошу горячо о пересмотре дела моего сына и освобождении его из-под стражи и от всех тяготеющих над ним обвинений, и верю, что Советская власть убедится в справедливость всего мною сказанного и в полной невинности труженика-педагога, здоровье которого весьма плохое, у него сильнейший нервоз и от природы слабое сердце.

Все изложенное сообщаю Комитету помощи политическим заключенным и надеюсь на его помощь, и сын мой снова сможет вернуться к тяжелой и ответственной работе педагога, которую до сего времени он с честью исполнял.

Гражданка Маргарита Кожина»¹.

Позднее супруги Кожины Г. А. и К. М., по ходатайству Помполита были освобождены из тюрьмы и продолжили преподавание в школах; в 1930 — в разводе.

В 1933 — Ксения Михайловна Кожина вторым браком вышла замуж за Георгия Михайловича Макеева. 20 мая 1935 — арестована, приговорена к 5 годам ссылки в Северный край и отправлена в Мезень.

В июне 1935 — Георгий Михайлович Мокеев обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<19 июня 1935>

«В Политический Красный Крест
лично тов<арищу> Пешковой

От Мокеева Георгия Михайловича
Адрес: г<ород> Мезень Северного
края, ул<ица> Ворошилова, д. № 4

Просьба

Тов<арищ> Пешкова! Убедительно прошу Вас оказать мне помощь в устройстве моей семейной жизни. Я женат 2-й год, половину своей семейной жизни я в ссылке и в этапе за своей женой, так как ее выслали из Ленинграда; а я сам добровольно поехал ей помогать, если бы не я, они

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 261. С. 239-240. Автограф.

умерли с голоду, так как ей работу никакую не дают, смотрят с недоверием, оно понятно: ведь ссыльная, да еще в такое место, где нет и работы-то по ее квалификации. Ее фамилия Кожина Ксения Михайловна, педагог, ассистент преподавания английского языка, кончила фонетическую школу при Ленинградском университете, последние 4-е года до ареста работала в Институте восточных языков, была ударница, получила почетную грамоту, звание ударника, неоднократно премировалась не только за общественную работу, а за производственную также, ее портреты помещались в газетах и т<ак> д<алее>.

Ее арестовали 20-го мая и, просидев 2 месяца в Ленинградском Д<оме> П<редварительного> З<аключения>, заключением Ленинградской Областной Тройки был вынесен приговор — ссылка в город Мезень на 5 лет за сокрытие социального происхождения при получении паспорта в 1933 г<оду>. Ее никто никуда не вызывал, когда получали паспорта, а паспорт выдан был по справке, где она работала, и из Жакта, где она проживала в одном месте с 1929 года. По социальному происхождению она дворянка; отец имел титул князя, но отец умер до империалистической войны, она осталась без отца 11-12 лет, мать ее вышла вскоре за 2-го служащего. Вся ее идеология и сознательная жизнь сформировалась при советской власти. Она вполне советский человек, если бы она не была советским человеком и хоть сколько-нибудь в чем-нибудь против, я никогда бы не сошелся с ней и не стал строить семейную жизнь.

Моя краткая автобиография. Мокеев Георгий Михайлович, год рождения 1903. Отец рабочий Красноусольского стекольного завода, дувальщик. Уроженец я того же Красноусольского стекольного завода Стерлитамаковского кантона Баш<кирской> Республики б<ывшей> Уфимской губернии. От отца я остался у матери 2-х лет и брат 3-х лет. Мать работала в людях на разных работах. С одиннадцати лет, как и все в моем в то время положении, я поступил на 5 руб<лей> в месяц в мальчишки на побегушках в главную пожарную команду Уфы. Во время революции брат мой ушел в Красную гвардию, и мать, будучи на работе жен<ским> организатором через областной комитет партии получила в 1924 г<оду> ответ, что он был ранен, контужен, так мы больше о нем ничего не знаем, он погиб в рядах Красной армии на Дальнем Востоке. Я в 1924 году кончил обл<астаную> сов<етскую> парт<ийную> школу 20-ти лет, с этого же времени я в комсомоле, был командирован в Белебеевский кантон инструктором по организации батрачества и, как активный комсомолец, организовывал комсомольские волостные и сельские комитеты, с 1925 года я не хотел получать льгот, как единственный кормилец матери и пошел в Красную армию, где также был активист, вел политзанятия, школьную и внешкольную работу, за что получил хорошие отзывы. Мать моя умерла от разрыва сердца, когда я был в армии на персидской границе, ее схоронила партийная организация и жен<ский> отдел. Для меня был большой удар, но я не был одинок, я был в своей семье, в партии. После демобилизации я поехал к себе на родину и в Уфе работал в Доме Красной армии заведующим стрелковым тиром. В конце 1927 — начале 28 г<ода> я решил поехать в большой город учиться и приехал в Ленинград, но так как не было средств, а также меня тянуло на производство, я поступил на завод им<ени> М. И. Калинина в 3-й токарный цех, где и работал токарем-станочником по металлу. Там же я быстро выдвинулся пропагандистом, руководил кандидатской парт<ийной> школой 3-х степеней и руководил кружком по истории партии. В 1931 году меня выдвинули зав<едующим> парт<ийным> кабинетом, где я уже руководил пропагандистами, при проверке работы кружкой я получил премию, бронзовую доску с надписью мой фамилии, эта доска и сейчас еще висит в

парт<ийном> кабинете завода № 4 на В<асильевском> О<строве>.

Парт<ийный> ком<итет> завода меня командировал в институт агитации им<ени> Володарского, где меня, досрочно освободив через постановления горкома с завода и назначив стипендию, зачислить лектором в Ленинградский Политпросветцентр. Оттуда перебросить для укрепления работы зав<едующим> куль<турно->полит<ическим> отделом в Смольнинский райком Союза Раб<очего> Прос<вещения>, из Союза Рабпрос меня перевели инструктором по ВУЗам <нрзб> и Политпросвет учреждениям в Дворец Труда, в Областком Союза. И последнее место моей работы это профорг крупного цеха Гидротурбинного завода, где я был бригадиром 7-го разряда, также пропагандистом.

И вот, имея такой разгон с юных лет до 31 года, мне сейчас 32-й год, я выброшен за борт. 8-го сентября я исключен из партии, с работы бригадира я уволился по собственному желанию, так как должен был ехать к жене на место ее ссылки. Из партии я исключен только по той причине, что откровенно написал, на ком я женат, что жена моя выслана, и я отпуск свой целый месяц провел в этапе за ней. Надежды на ребенка рухнули, так как жена вместо летнего отдыха после изнурительной зимней работы с последним выпускным курсом коммунистического ВУЗа просидела в тюрьме, и в этапе у нее был выкидыш. Жизнь наша отчаянная, правда, я работать стал на черной работе, какая есть, теперь руковожу драм<атическим> кружком.

У меня начинаются галлюцинации, бессонные ночи, меня преследует навязчивая идея кончить жизнь. Но я решил, что имею полное право хлопотать, и решил писать к Вам, тов<арищ> Пешкова. Ведь за соц<иальное> происхождение не судят. Жена моя может приносить пользу, ее студенты кончили все хорошо и отлично, здесь она не может быть использованной, к ней отнеслись резко и неверно. Я ведь в совместной жизни ее знаю, вполне могу поручиться за ее самоотверженную работу и лояльность. Я не могу оставаться вне рядов партии, так как я должен быть в своей семье, но при таком положении я остаюсь мужем ссыльной.

Прошу Вас, убедительно проникнуться моей просьбой; реабилитировать мою жену в правах и в худшем случае, который также явится счастьем для нас, это выдать ее мне на поруки.

Прошу Вас не отказать мне и дать возможность тем самым вернуться в нормальную колею жизни. Макеев.

Прошу уведомить меня открыткой, что моя просьба Вами получена, так как меня это очень волнует и беспокоит. Я буду с надеждой ждать вашего ответа.

26/XI-35 г<ода>.

г<ород> Мезень, Сев<ерного> края, ул<ица> Ворошилова, дом № 4
Мокеев Георгий Михайлович»².

На письме — запись секретаря:

«Известите, что обращаемся с ходат<айством> в През<идиум>».

В марте 1936 — Георгий Михайлович Мокеев, получив указания из Помполита, посылает документы с сопроводительным письмом.

<20 марта 1936>

«В Политический Красный Крест
Екатерине Павловне Пешковой

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1336. С. 66-67. Автограф.

От Мокеева Г. М.
Адрес: г<ород> Урицк
Лен<инградской> области
пр<оспект> Карла Маркса
дом № 98, кв. 3

Заявление

Екатерина Павловна, я сделал все так, что Вы мне сказали, когда я был лично у Вас 19 января с<его> г<ода>.

Я прилагаю при сем заявление жены и все бумаги о состоянии ее здоровья. Жена моя хронически больной человек, инвалид, ей не вынести ссылку, это меня также сильно убивает. Я ее люблю, твердо уверен в ее невиновности, а мысль о том, что она должна быть еще матерью нашего ребенка, абсолютно ставит перед ужасной действительностью. С ее здоровьем родит<ь> без помощи и <в> таком моральном и физическом состоянии...

Прошу Вас сугубо человечески отнестись к неопишуемому нашему с ней состоянию и по возможности сделать нас счастливыми людьми. Я с надеждой, Екатерина Павловна, на Вашу помощь буду ждать от Вас результата наших с женой ходатайств.

Прошу не отказать.

Г. Мокеев.

- Прилагаю: 1) Заявление жены.
2) Акт мед<ицинского> обследования от 2/II-36 г<ода>.
3) Справку лечащего врача от 27/III-1935 г<ода>.
4) Акт-свидетельство от 23/IV-1923 г<ода>.
5) Протокол экспертизы № 1088 от 6/VI-21 г<ода>»³.

В апреле 1936 — Георгий Михайлович Мокеев вновь просил помощи Е. П. Пешковой.

<27 апреля 1936>

«В Политический Красный Крест
Екатерине Павловне Пешковой

От Мокеева Г. М. Адрес:
г<ород> Урицк Лен<инградской>
области, ул<ица> Карла Маркса,
д<ом> № 98, кв. 3

Екатерина Павловна! Приношу Вам глубокую благодарность, не смогу это выразить на бумаге. Вы и тов<арищ> Винавер, чью подпись я прочел на отношении от Вас, окрылили меня надеждой. Я изуродован сейчас морально. Работая 11/IV в вечернюю смену на станке, новость для меня в этот день все время с мыслью надежды, хотя еще нет и утвердительного <ответа> об освобождении жены, я выполнил стахановскую норму 100 штук деталей вместо технической нормы в 50 шт<ук>. Может быть, Вам покажется наивным подобное сообщение. Но я сейчас один, может быть, я стал психически больным, плача сегодня, отчего не знаю сам, от радости ли, что я встаю в шеренгу со всеми. Ведь я, выбитый из колеи жизни человек. Я все время погружен в одну мысль, на что имею полное право быть счастливым вместе со всеми. Первый раз в своей жизни с совершеннолетия я был один в Октябрьскую годовщину в прошлом году. Я страдал, что не получу от Вас к 1-му мая ответа, мной овладевал ужас

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1522. С. 18. Автограф.

дальнейшего. Вы мне принесли большое облегчение, так как вот уже полгода, как я подавал в НКВД. А мне оттуда не ответили, я отчаялся. Что делать? Как быть?

Следуя Вашему указанию, я прилагаю заявление на имя НКВД, копии справки и подлинники в надежде на Вашу помощь и ходатайство перед Народным Комиссариатом Внутренних дел об освобождении жены. Она сейчас еще в более худшем положении, чем тогда, когда я был у Вас 19/1-36 г<ода> лично. Я сейчас не имею возможности, так как работаю и связан расстоянием. У жены начинаются галлюцинации. Я боюсь, что она может сойти с ума. Ведь она все без работы, 20-го мая будет год, лежала в б<ольни>це, помогать много я не имею материальной возможности. Она начинала шить, но это привело ее к переутомлению и сильных <нрзб> болей, так как машины нет, все руками, питается плохо, да и я вынужден многого лишаться, благодаря тому, что <надо> посылать все время. Подробности и суть дела Вам ясны, извините, что так распространено Вам пишу. Еще раз прошу сделать счастливыми меня и жену. Приношу благодарность за ответ.

Г. Мокеев»⁴.

Вслед за предыдущим письмом Георгий Михайлович Мокеев, нервничая, посылает следующее письмо Е. П. Пешковой.

<28 апреля 1936>

«В Политический Красный Крест
Екатерине Павловне Пешковой

От Мокеева Г. М.
адрес: г<ород> Урицк
Ленингр<адской> области
пр<оспект> Карла Маркса
д<ом> № 98, кв. 3

Екатерина Павловна, простите, что я Вас так часто беспокою. Я Вам писал ходатайство из Мезени, когда ездил к своей жене, ссыльной туда, Кожиной К. М., был лично у Вас 19/1 с<его> г<ода>. Вы мне сказали, чтобы я представил Вам бумаги, доказывающие степень болезни моей жены, так как я ходатайствую о переводе ее на мое иждивение. Я эти бумаги Вам переслал заказным письмом через месяц, т<о> е<сть> 19/II, в марте я послал еще письмо с бланком о получении. Я очень нервничаю и прихожу в большое отчаяние, так как состояние здоровья моей жены все более ухудшается, работы она не имеет. Я в достаточной мере помогать не имею возможности, из заработка 160 руб<лей> на 2-а дома жить трудно. Я работаю рабочим с перерывом — поездки в Мезень.

Я в надежде на Вашу помощь, обеспокоен, что жена должна все-таки выехать из Мезени. А там с конца апреля распутица, и всякое сообщение прерывается почти на 1½ м<еся>ца. Меня берет ужас, что будет, если во время, т<о> е<сть> до конца апреля она оттуда не сможет выехать, без ответа от Вас. Все это еще дополняет обострение состояния ее здоровья, и мучается она за то, что родилась не от тех родителей, а я потому что полюбил ее, хотя по соц<иальному> происхождению — рабочий и сам всю свою жизнь рабочий.

Прошу Вас убедительно ответить, что, может быть, еще какие нужны документы. У меня начинают сильно болеть нервы. Я не смогу Вам описать все ужасы, которые я переживаю и за что? Екатерина Павловна, ответьте, пожалуйста, по адресу на записку в заявлении. Прошу Вас

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1522. С. 15. Автограф.

убедительно не отказать в просьбе. Лично к Вам поехать еще не имею средств.

Г. Мокеев»⁵.

В мае 1936 — Георгий Михайлович Мокеев обратился за помощью к М. Л. Винаверу.

<27 мая 1936>

«Дорогой товарищ Винавер!

Извините меня тысячу раз за такое обращение к Вам. Я не знаю Вашего имени и отчества. Когда я был в Москве, Вас не было, и Вашу фамилию я знаю из подписи двух отношений, которые я получил в ответ на свое ходатайство о досрочном освобождении моей жены Ксении Михайловны Кожиной. В последнем отношении было указано, что ответ через Вас из НКВД я получу примерно месяца через два. Вы правы, будете негодовать, что я Вам надоедаю, так как 2-х месяцев еще не прошло, но тяжелое моральное и материальное положение заставляет меня еще раз просить Вас не только ответ из НКВД, но прямого Вашего ходатайства перед органами НКВД о скорейшем освобождении моей жены из ссылки. Второй год, как она не работает, находясь в тяжелых условиях в ссылке, будучи больным и разбитым человеком и физически и морально, получая ничтожную сумму от меня на существование, готовясь стать матерью. Жизнь на два дома в корне подорвала и мое здоровье. Недоедание, сильная нужда, а также состояние разбитости дают себя чувствовать и за последнее время очень сильно, а мне всего еще 33 года, возраст молодой, но я уже чувствую старость. Мне часто приходится ходить пешком 11 километров на работу, питаться одной картошкой и черным хлебом, все это и ряд других причин, связанных с моим состоянием, вынуждают меня быть надоедливым по отношению к Вам. Из НКВД, куда я писал семь месяцев тому назад через Мезенское местное НКВД, я ответа до сих пор не имею.

Сейчас лето, но я не чувствую его, природа не для меня. Веселость окружающих меня людей не доходит до меня, но в сознании моем где-то теплится надежда, что я тоже должен вместе с окружающими меня людьми быть веселым. Мысль ненужности моего существования перебарывается надеждой, но я часто дохожу до предела отчаяния и беспомощный, как сноп, ваюсь от усталости и горького разочарования быть не услышанным и не понятым в своих просьбах, вернуть жизнь, незаслуженно отнятую у меня.

Прошу простить меня за подобное письмо, но я, как и все, хочу жить и взываю об этом.

С уважением к Вам Мокеев»⁶.

В августе 1936 — заведующий юридическим отделом Помполита сообщал Георгию Михайловичу Мокееву печальную новость.

<8 августа 1936>

«Г. М. МОКЕЕВУ

В ответ на В<аше> обращение сообщаю, что согласно полученной справке приговор В<ашей> жене, КОЖИНОЙ Ксении Мих<айловне> не изменен»⁷.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1522. С. 16. Автограф.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1522. С. 13. Автограф.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1522. С. 10. Машинопись.

В ноябре 1936 — Георгий Михайлович Мокеев, после переезда в Урицк Ленинградской области, вновь просит помощи Е. П. Пешковой.

<14 ноября 1936>

«В Политический Красный Крест
Е. П. Пешковой

От Мокеева Г. М.
адрес: г<ород> Урицк
Лен<инградской> области
пр<оспект> Карла Маркса
д<ом> № 98, кв. 3

Заявление

Екатерина Павловна, несмотря на то, что мною получен от Вас ответ, за что благодарю, но, все-таки считая, что мое заявление не было разобрано в НКВД в деталях, от которых зависит правильное решение и постановка вопроса, обращаюсь к Вам с просьбой, именно в деталях решить этот вопрос, а именно: моя жена не работает 2-й год не потому, что не хочет, а у Вас имеются данные, что она больна, к физическому труду неспособна, интеллигентным трудом по своей специальности педагога английского языка в условиях Мезени использована быть не может. А как человек, физически существует, и это существование материально поддерживаю я, не имея на это никакого приговора! Я не допускаю мысли, чтобы ее сослали умереть с голоду. Так как иного выхода нет. Другое дело, что она по своему соц<иальному> происхождению не имеет права жить в Ленинграде и др<угих> городах, предусмотренных положением для лиц ее положения. Но она могла бы жить в городах, где могла работать и зарабатывать на существование и приносить своим интеллигентным трудом пользу государству. Ведь, если бы ей не дали паспорт, она могла себе выбрать место для работы, и не была бы выслана. И мое ходатайство сводится именно к этой детали. Я прошу применить к ней это последнее. Тем самым не обрекая ее, как человека, на голодную смерть, и освобождения меня, как гражданина СССР, от забот ее существования в жизни. Все документы у Вас, и я прошу пересмотреть вопрос ее нахождения в Мезени, а дать ей право проживать в любом городе, за исключением запрещенных для проживания для лиц в ее положении по соц<иальному> происхождению. Больше вины, как та, что она родилась не из той утробы, за ней нет. А это последнее по законам Советской власти не лишает человека права на жизнь и труд. Ее выслали без суда и какого-либо следствия, мне, как мужу, даже не сказали, не только чтобы вызвали по этому вопросу. И я хлопочу, уже скоро будет 2 года, но дело все в том же положении.

Прошу убедительно разрешить этот вопрос перед НКВД, дать возможность работать ей как человеку, приносить тем самым пользу. А мне не страдать по человечески морально и материально поддерживать полностью существование жизни жены в то время, как она, находясь в другом месте, могла бы заниматься интеллигентным трудом. Не будет как сейчас обреченной на голодную смерть или собирать милостыню в случае прекращения моей помощи материально. Я несу полную ответственность за ее политическую благонадежность.

Мокеев.

Р. S. В случае отказа и неубедительности моих доводов и документов, имеющихся у Вас, прошу выдать мне ее на поруки. Она

пробыла в ссылке сегодня 5/XI 1 год 7 м<еся>цев, т<о> е<сть> с 20/V-1935 года.

Мокеев»⁸.

16 марта 1962 — Георгий Александрович Кожин скончался в Ленинграде⁹.

17 декабря 1942 — Ксения Михайловна Кожина стала вдовой (муж, Георгий Михайлович Мокеев, погиб на фронте).

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1522. С. 12. Автограф.

⁹ Сведения предоставлены Ниной Кожинной.